

 ЯРАЖСКАЯ
• РУСЬ •

АЛЕКСАНДР
МАЗИН

ВАРЯГ

Дерзкий

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М13

Мазин, Александр Владимирович.

М13 Варяг. Дерзкий / Александр Мазин. — Москва :
Эксмо, 2024. — 416 с.

ISBN 978-5-04-205811-0

Придет время, и Тмутаракань станет частью Руси. Но сейчас захваченный русами князя Олега Киевского Самкерц-Таматарху удержать невозможно. Нескольким сотням русов и норманнов не устоять против тысячных армий. Вопрос лишь в том, кто первым сумеет ее захватить: византийцы или хазары. Бывший князь-воевода Сергей, а ныне — княжий отрок Вартислав прекрасно это понимает. И упорно ищет ответ на вопрос: зачем Олегу понадобился Самкерц?

Но сначала Сергею придется решить задачу «попроще»: как им всем выжить в надвигающейся битве титанов?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мазин А., текст, 2024
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2024

ISBN 978-5-04-205811-0

ПРОЛОГ

— ...а также болгаре злокозненные неумоимо старания прилагают, дабы привлечь на свою сторону пацинаков. И озабочены сим союзом настолько, что соединяют браком сыновей своих с пацинакскими девами, дабы приготовить сим военное сотоварищество против нас. Посему прошу, Ваше Святейшество, молитвенного благословения Вашего, заступничества пред Господом и заступничества пред Господином нашим Автократором Василевсом, да живёт он вечно, ради оборонения нас от врагов земных, яко молитвы Ваши обороняют нас Небесным благоволением!.. — при этих словах тонкие уста стратига тронула улыбка, ибо нынешнее непростое положение подвластного стратигу нома как раз и было «заслугой» нынешнего же носителя алых сапог Льва Шестого, проигрывающего одну войну за другой и ухитрившегося довести империю до того, что византийским дипломатам приходилось теперь именовать мисийского дикаря кесарем и платить ему дань, которую тот, не стесняясь, использовал в своей борьбе против Византии.

Нет, правитель херсонской фемы стратиг Иоанн не рассчитывал, что Лев Шестой окажет помощь далёкой

херсонской феме. Вряд ли он даже прочтёт его письмо. Автократор Лев, озабоченный лишь желанием угодить любовнице, даже не задумывался, каково это: представлять христианскую империю в окружении враждебных варваров.

Вот почему каждое своё послание в дворцовую канцелярию фемный стратиг Иоанн дополнял ещё одним: человеку, которому единство ромейского мира небезразлично. Святейшему Патриарху Константинопольскому Николаю, прозванному Мистиком¹, по занимаемой им когда-то должности.

Стратиг поглядел на собственного секретаря, замершего в ожидании, стёр с лица улыбку и продолжил, уже не для дворцовой канцелярии, а для этого, второго адресата:

— Ныне же из собственных средств намерен я собрать отряд войска и послать в землю пацинаков не ради военных действий, а лишь для того, чтобы позаботиться о безопасности вверенной мне фемы и воспрепятствовать набегам варваров на ромейскую землю. Однако, испытывая немалую нужду, молю Ваше Святейшество...

Стратиг смотрел на то, как бегут из-под пера секретаря ровные ясные строчки, и думал о том, сколько ещё писем придётся написать, прежде чем на той стороне моря проникнутся серьёзностью ситуации и поймут: если Симеона не остановить, то и Херсонскую фему

---

¹ М и с т и к — тайный поверенный, в данном случае личный секретарь императора Льва Шестого.

постигнет участь Силистрии¹ и иных городов, что ныне оказались под властью мисян².

— Подпиши: Вашего Святейшества смиреннейший и преданнейший послушник Иоанн.

И оттиснул рядом с подписью личную печать.

Когда чернила просохнут, секретарь опечатает послания уже другой печаткой, с обозначением его государственной должности, и надпишет официально: Его Святейшеству Вселенскому Патриарху Константинопольскому Николаю от стратига Херсонской фемы Иоанна Воги.

И отправит оба письма специальными курьерами на военной триере. Не хватало ещё, чтобы его послания перехватили пираты, коих вследствие того, что у него, стратига, нынче иные заботы, развелось вдоль северных берегов Понта Евксинского великое множество.

— Послы из Таматархи ждут?

— Да, господин.

— Русы?

— Да, господин.

— Кликни переводчика и приглашай.

Иоанн Вога недурно владел скифскими наречиями, но варварам об этом знать ни к чему.

---

¹ Доростола.

² М и с я н е — дунайские болгары.

ГЛАВА 1,

*в которой полусотник Войст удивляет
фемного стратига Иоанна*

...не договоримся!

Синее море. Синее небо. Чайки. Белые. Всё прекрасно, но — пованивает. Рыбой, гнилыми водорослями, бродящим виноградом, ливневой канализацией, доставшейся городу ещё от тех, первых ромеев. Которые настоящие римляне.

Херсон. Он же — Херсонес. Он же — Корсунь-град в словенском произношении. Столица одноимённой фемы.

Сергей помнил, каким был Херсон, вернее, каким он будет, когда в него войдут войска великого князя Владимира Святославовича. И каким город станет после того, как Владимир из него выйдет, увозя с собой всё, что можно увезти.

Сейчас Херсон — прекрасен. И могуч. Толстые высокие стены длиной в несколько километров. А с южной стороны стена вдобавок двойная. Прорвёшься через неё — и окажешься в ловушке.

Над стеной господствуют десятки башен высотой пять-шесть сажений, а полдюжины ворот крепки, узки и усилены железными решётками-катарактами.

Мощь и красота. Белый храм над морем. Христианский. На фундаменте языческого. Из тех же времён, что и канализация. Надо полагать, водопровод, снабжающий город водой, — оттуда же, из языческих времён. Хотя в городе и собственные колодцы имеются. Тоже старинные. А вот орудия на стенах — новые. И монеты. Говорят, старые были лучше. Крупнее. И золото качественней. Но эти тоже годятся.

— Тридцать семь солидов — хорошая цена! — Купец-ромей готов торговаться хоть до вечера.

Войст тоже никуда не спешит. Он теперь не просто гридень — главнокомандующий целого шестнадцативёсельного корабля. И вино хозяйское Войсту нравится, и закуски. И служанка, которая, всё это принося, то бедром прижмётся, то грудью.

Хорошо быть большим человеком!

Вообще-то они сюда приплыли не жизнью наслаждаться, а с важной дипломатической миссией.

И миссию эту большой человек Войст не провалил. И даже не понял, что самым краешком прошёл мимо офигенных неприятностей. Гридень Войст нынче — великий политик. Голос самого наместника Самкерца.

А ещё он великий торговец, которому скоро серебро мешками потащат. Простое ведь дело: купить за дирхем, продать за десять. Да ещё и вместо транспортных расходов транспортные доходы получить. И дело-то плёвое: по пути домой купеческий караван от пиратов защищать. Грабители морские совсем распоясались. Устраивают засады буквально под носом у херсонских властей — в соседней бухте. Да вообще в любой береговой щели прячутся. Нападут внезапно — и исчезнут. С добычей.

А если противник не по зубам — просто ждут следующего. Да и вообще, как понять, пират ты или честный мореход? Приходит в порт кораблик с грузом, а откуда этот груз — кто знает? Может, честно приобрёл где-то в южных или северных краях, а может, тут же, «за углом», хапнул?

Нет, выяснить было бы можно. В принципе. Например, если ценник на товар оказывался ниже среднего.

Но кому это надо? Покупателям? Так те только рады дополнительной прибыли.

Властям? Те, которые маленькие, навверняка мзду имеют. А большие... Вот тут всё сложно.

Херсонский флот могуч, но какой смысл гонять за всякой мелочью боевые хеландии. Хочешь безопасного пути — плати.

Вот хоть Войсту, у которого под началом целый экипаж боевой лоды русов.

Собственно, на Руси такая же схема. Или ты вступишь в большой караван великого князя, или путешествуешь на свой страх и риск.

Это логично. Впрочем, Сергей не стал бы утверждать, что херсонский стратиг покрывает пиратиков.

Не до того ему.

Судя по тому, что видел Сергей, у хозяина Херсонской феми проблемы поосновательней мелких морских разбойников. Его, похоже, даже смена власти на той стороне будущего Керченского пролива не особо обеспокоила. И это при том, что с хузарами у ромеев отношения напряжённые. Особенно здесь, в Крыму.

Нет, игнорировать новых хозяев Самкерца стратиг не стал. Принял послов практически сразу, и пары су-

ток не минуло. Но общение — не задалось. Может, потому, что гридень Войст был никудышным дипломатом. Но скорее всего, стратига Иоанна Вогу смена руководства Самкерца заботила во вторую, а то и в третью очередь. Судя по количеству военных в резиденции стратига, у Херсонской фемы были серьёзные проблемы военного характера.

А поскольку большинство офицеров было из фемных катафрактов, а не из имперской «морской пехоты», то проблемы эти назревали не на море, а на суше.

Поначалу, увидев в резиденции стратига целых аж трёх командиров тяжёлой кавалерии, Сергей забеспокоился: не Самкерц ли он, стратиг, намерен завоёвывать?

Ну да, город — с той стороны пролива. Однако переправить войско через узенький пролив для морской державы — вообще не вопрос.

И прямо сейчас объявит стратиг Иоанн Вога мирной делегации русов, что отныне он с ними — в состоянии войны. И капец.

Главный переговорщик русов этого не понимал. Исполненный чувством собственной важности, Войст победно вышагивал по мозаичным полам стратиговой резиденции.

А его скромный переводчик отрок Варт семенил следом, вертя головой и прикидывая: удастся ли смыться, если пойдёт по-плохому и хозяин Херсона отправит их под арест.

По всему выходило: смыться не получится. Солдат в резиденции — как вшей в шевелюре печенег.

Арестовывать их не стали.

Стратиг очень внимательно оглядел Войста, который не соизволил даже голову склонить в знак уважения, принял через секретаря список договора, составленного великим князем Олегом и спафарием Николаем Пиператом, а также приветственное письмо от княжича Рёреха, написанное по-ромейски, прочитал оба документа, ещё раз поглядел на варяга: не добавит ли что устно?

Войст молчал. Но выражение лица у него было такое, словно это он, Войст, стратиг фемы, а Вога — княжий порученец.

Сергей, убедившись, что хватать и тем более убивать их не станут, с большим интересом ждал, что предпримет правитель херсонской провинции.

Всё, на что мог уповать Сергей, вот этот самый договор, заключённый великим князем и «мечом» империи Николаем.

Примет его стратиг или нет?

Главнокомандующий Херсонской фемы — это величина побольше, чем какой-то там спафарий. Но есть еще и высокая политика. Иоанн — патрикий империи, Николай — тоже. И кто знает, какие у того полномочия? Пусть ранг Воги и выше, но далеко не всегда решающее значение имеет размер винтика.

И надо учесть: Иоанн Вога был не только политиком, но и воином. Сергей повидал таких немало и умел кое-что прочитать даже на таких, железно держащих «покер-фейс», лицах. И сейчас Сергей видел: стратиг озадачен.

Причём не содержанием документов, а необъяснимо наглым поведением посланника.

Типичный византийский стратиг, Вога мыслил стратегически. И политически. И был уверен, что новый правитель Таматархи мыслит так же. Иначе как бы он сумел заручиться поддержкой такого прожжённого интригана, как Николай Пиперат. Следовательно, стоящий перед стратигом посланник тоже не прост и только прикидывается простым воякой.

В общем, Войст, который говорил с ним, стратигом Иоанном, без малейшего пиетета, навёл последнего на совершенно определённые мысли.

Для политика Воги такое отношение от человека заметно более низкого ранга, вдобавок ещё и дипломата (как полагал византиец), было не пренебрежением, а знаком.

Стратиг тотчас уверился: варяг ведёт себя дерзко потому, что получил соответствующие инструкции от начальства. Воге и в голову не пришло, что окрылённый повышением в звании Войст полагает себя чрезвычайно важной персоной. И просто не понимает, что разговаривает с человеком, чьё войско раз в десять превосходит дружину беловодского князя Стемида.

Впрочем простодушие Войста могло обернуться им на пользу. Чтобы играть на равных с таким, как стратиг Иоанн, надо быть весьма искушённым игроком. В команде Рёреха таких не было. Включая и самого Сергея, которого в силу юного вида не приняли бы всерьёз.

Пожалуй, ярл Харальд мог бы... Однако учитывая, какие нынче сложились отношения между наместником Рёрехом и нурманским воеводой, может, и неплохо, что Харальда здесь нет.

А Войст...

Войст пыжился и делал морду кирпичом, оставляя византийцу широчайший простор для домыслов.

Из неправильных предпосылок стратиг в итоге сделал такой же неправильный вывод: новые хозяева Таматархи хоть и декларируют дружелюбие, но на самом деле проводят демонстрацию силы.

Вопрос: для чего?

И ответ для политика Воги был очевиден: либо русы уже спелись с врагами империи, либо готовы это сделать, если херсонский правитель не предложит им что-то поинтереснее.

«Загадочный» посланец Войст надменно помалкивал. А Иоанн Вога...

Он напряжённо размышлял, перебирая в уме возможных конкурентов.

И наконец выбрал наиболее вероятного. А будучи не только политиком, но и воином, сделал решительный ход: прямо указал на возможного союзника русов. Взял да и поинтересовался у Войста, какие нынче отношения у великого князя с царём булгарским Самуилом?

Подобная прямолинейность тоже была с подтекстом. Всякий мало-мальски соображающий политик сразу сообразил бы: стратиг недвусмысленно обозначил свою готовность к переговорам. То бишь, чего хотят славные воины-русы за то, чтобы дружить не с булгарами, а с ним, Иоанном?

Сергею ход мыслей стратига был понятен.

Но Войст, увы, не понял ровно ничего. В дипломатии и геополитике он разбирался не лучше, чем боевой конь — в китайских кружевах. А на поставленный во-

прос на всякий случай ответил, что отношения между булгарами и Олегом очень даже хорошие.

То есть окончательно утвердил Вогу в его подозрениях. А именно: великий князь киевский в шаге от того, чтобы заключить с булгарами военный союз. И вполне понятно, против кого. А также понятно, зачем об этом только что сообщили ему, херсонскому стратигу. Чтобы тот сделал встречное предложение. И оно должно быть достаточно серьёзным, чтобы перебить эти самые «очень хорошие».

Так что отреагировал Вога тоже закономерно. Именно так, как и должен отреагировать политик, которому предлагают перебить ставку оппонента.

Но, опять-таки, будучи не только политиком, но и военным, поинтересовался: что именно хочет великий князь киевский, чтобы увериться в его, стратига, дружбе?

Тут Войст сообразил, что вышел за пределы своей компетенции, и ответил уклончиво: мол, лично ему о пожеланиях великого князя неизвестно. Но, сообщил варяг с той же оскорбительной важностью, он, Войст, постарается донести до Олега благорасположение владыки Херсонской фемы, когда у него будет такая возможность.

Стратиг офигел. Его только что низвели до роли просителя, к которому готов «снизойти» даже не киевский князь, а порученец наместника великого князя в Таматархе. Сообщить о желании стратига, когда у него, порученца, найдётся время для этакой мелочи.

Сергей забеспокоился.

Стратиг, конечно, политик и не станет принимать поспешных решений даже после такого недвусмысленного унижения. Однако видок у стратига ещё тот: мрач-

ный, невыспавшийся, с печатью тяжких дум на высоком челе.

Это Войст мог полагать, что если его собеседник не пыжится, говорит ровно и безэмоционально, то всё идёт хорошо. Сергей-то знал: перед ними человек, привыкший повелевать тысячами. Захочет стратиг казнить непочтительного варяга и всю тмутороканскую делегацию, так и казнит. Запросто.

А что у него сейчас в голове — так с ходу не просчитать.

Войст риска не понимал, и надо было срочно спасать положение. Так что Сергей по собственной инициативе внёс правку: мол, его командир не понял вопроса и речь идёт не о тех булгарах, что здесь неподалёку, а о тех, что платят дань хузарам и обитают на реке Атель¹.

Стратиг задумался. Можно ли это воспринимать как обещание не вступать в союз с Симеоном?

И понял ли Вога, что Сергей выдал отсебятину?

Вроде не должен. Для стратига он — мальчишка-толмач, не более.

Жаль, что Войст не согласился с предложением Сергея общаться не по-словенски, а по-нурмански. Хотя и тут никакой гарантии, что в окружении стратига не окажется кого-нибудь, владеющего языком северян. Учитывая, как много соплеменников ярла Харальда обретается в империи.

Поверил стратиг или нет — вопрос открытый. Но когда тот кивнул и обозначил кистью: свободны, Сергей вздохнул с немалым облегчением.

---

¹ Она же — Итиль, она же — Волга.

А когда ещё один секретарь попозже сообщил, что русы на трое суток объявлены гостями стратига со всем положенным содержанием, Сергей и вовсе расслабился.

Миновала беда.

Вразумлять Войста он не стал. Всё равно слушать не станет, так что пусть пребывает в уверенности, что поручение княжича он выполнил с блеском.

А вот фемный стратиг после их ухода надолго задумался.

Язык, на котором русы говорили меж собой, он знал. Язык этот мало отличался от того, на котором говорили мисяне. И то, что посол архонта русов говорил одно, а мальчишка-толмач переводил другое, стратига обеспокоило даже больше, чем собственно речи посланца. Нет, так бывает, что переводчик толмачит по-другому. Даже и нередко.

Стратиг улыбнулся, вспомнив историю о сирийском разбойнике, которого поймали и пытали, требуя указать, где спрятано награбленное. Историю эту очень любили изображать константинопольские лицедеи. Разбойник-сириец долго крепился, но в конце концов сломался и назвал место, где закопал добычу. Вот только общались с ним, не говорившим на языке империи, через переводчика, а переводчик-хитрец возможности не упустил и признание разбойника перевёл так: «Ничего я вам не скажу, ромейские свиньи!»

Однако никакой выгоды для юного толмача от неверных переводов стратиг не усмотрел. Напротив, говорил мальчишка куда более внятно, чем простоватый

посол. И выговор у юного руса был, надо отметить, самый что ни на есть столичный.

Что тоже настораживало.

А ещё стратиг заметил: мальчишка его побаивается. А вот сам посол держался так, будто стратиг здесь не Иоанн, а он, рус.

И во всём этом чувствовалась какая-то игра, слишком зыбкая, чтобы стратиг мог ухватить её нить.

Он мог предполагать всё что угодно. Например, этот мальчишка с лицом северянина и столичным выговором на самом деле мог оказаться агентом кого-то из константинопольских политиков. Вот хотя бы того же патрикия Николая Пиперата. Или кого-нибудь повыше.

Стратиг размышлял долго, но — безрезультатно.

Единственное, что он мог: попробовать узнать о странном посольстве ещё что-нибудь. Потому велел послать за начальником городской стражи, а тому приказал обеспечить скрытное наблюдение за русами, а особенно — за мальчишкой-переводчиком.

Если бы об этом узнал Сергей, он бы уже не считал, что всё в порядке.

А вот Войсту на такое повышенное внимание наверняка было бы наплевать. Его мысли были уже заняты совсем другими вещами.

Так что ни он, ни Сергей соглядатаев стратига не заметили.

А вот другие — заметили. И эти «другие» принадлежали к теневой, так сказать, части херсонского сообщества.

И в дальнейшем это оказало Сергею и его другу-хузарину немалую услугу. Но не исключено, что — медвежью.

После посещения стратига варяги занялись собственными делами. Сначала — на рынок. Потом пожрать. Ну, и запланировать что-нибудь весёленькое на вечер.

Вот тут-то, на рынке, Войсту, впечатлённому разницей цен в Херсоне и далёком Новгороде, пришла в голову замечательная идея: закупиться свежеприбывшими ромейскими товарами, в частности тканями и медной посудой, и доставить их сначала в Самкерц, а потом, через Киев, домой в Белозеро.

Во время обеда Войст поделился идеей с подчинёнными, и большинство идею одобрило. И даже выразило готовность вложиться в проект всей имеющейся наличностью. Ещё бы: тысяча процентов прибыли.

Войст был хорошим воином. Умелым, неглупым, в меру инициативным. Но получив повышение, почему-то решил, что его теперь удача непрерывно в попу целовать будет. И вёл себя так, будто он уже почти князь.

Единственное, что мог сделать Сергей: отказаться участвовать в бизнес-складчине. Он-то знал: те же товары, в которые намерен вложиться Войст, при желании можно приобрести и в Самкерце. И если брать оптом и у правильных людей, выйдет даже дешевле.

Отказался от бизнес-проекта и Машег, хотя и по другой причине. Хузарин заявил: покупать, чтобы продать дороже — ниже его достоинства. Воин кормится добычей.

Войст их отказ принял спокойно. Решил: молодые, глупые.

Он уже видел себя богачом, чей капитал удесятерится после каждой ходки в Херсон и обратно. В планах

он даже замахнулся на торговлю непосредственно с Византией, где, как он узнал, цены на имперскую продукцию ещё меньше, а на всякий северный товар, например на рыбу кость¹, — вдвое дороже, чем в Херсоне. И в пятьдесят раз дороже, чем у непосредственного «производителя». О законах, которые запрещали негражданам торговать на территории Византии, Войст, разумеется, понятия не имел.

В итоге сразу после сытного обеда воодушевлённые грядущим богатством варяги отправились на агору — искать «попутку» до Самкерца, ведь на шестнадцативёсельную лодью все планируемые покупки никак не вместятся.

И тут, на агоре, варяги узнали, что их мечи — не менее востребованный товар, чем стеклянная и медная посуда.

Так что первая часть бизнес-проекта, заключавшаяся в доставке купленного в Самкерц, не только не потребует денег, но и принесёт прибыль. Более того, византийский купец, по собственной инициативе затеявший разговор с Войстом, был готов передать интересующие варягов товары непосредственно в Самкерце. Причём за ранее оговорённую цену.

В обмен на защиту по дороге.

Очень хорошо, что Войст всё-таки успел к этому времени пообщаться с другими купцами и узнать о пиратском беспределе. Иначе с большой долей вероятности ромей получил бы защиту бесплатно.

Но Войст — успел. И теперь отчаянно торговался за каждую монету. И оплату потребовал не золотом,

---

¹ Рыбья кость — моржовые клыки и т. п.